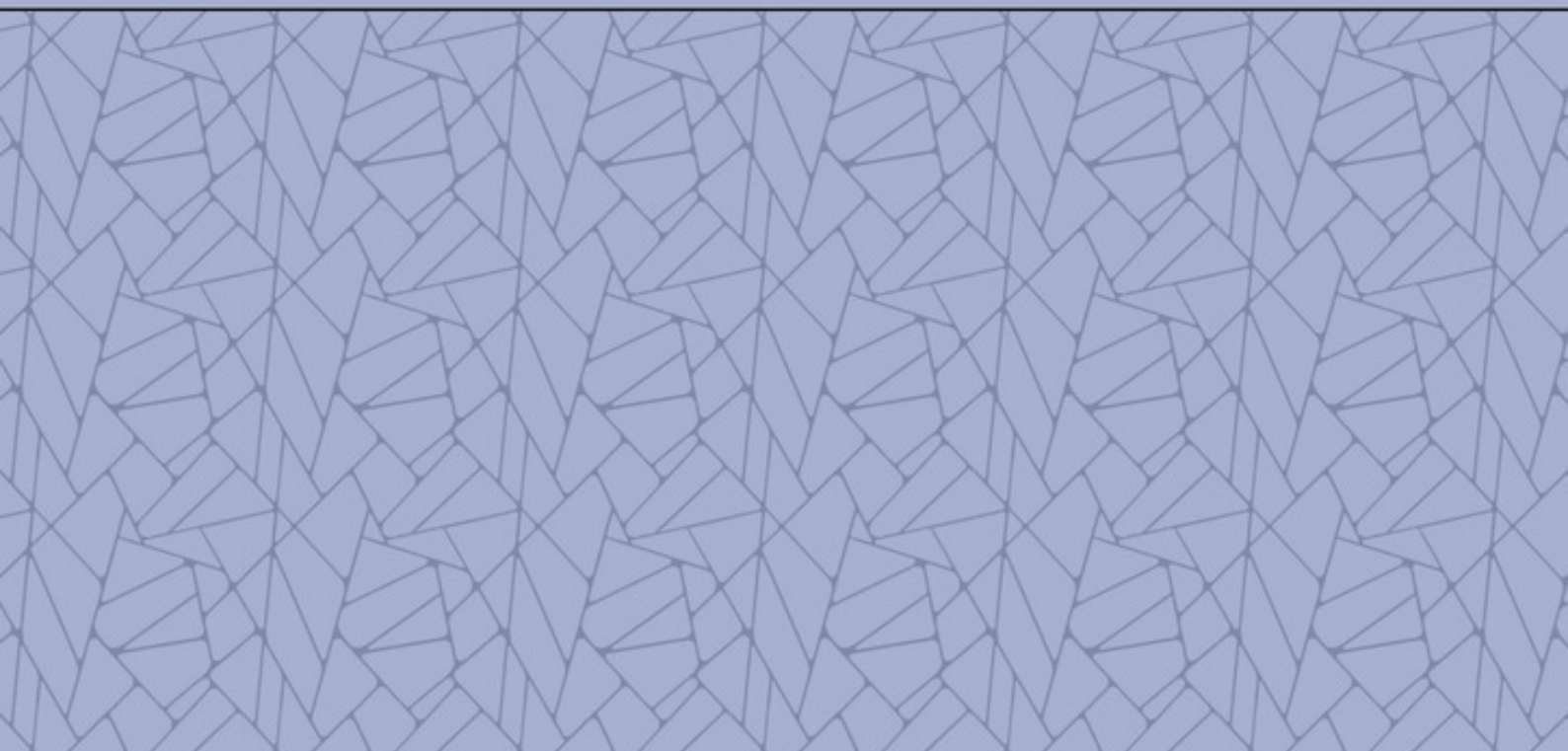

Александр Бабчинецкий

*Иван III.
Новгородское
противление*

Роман

Александр Бабчинецкий

**Иван III. Новгородское
противление. Роман**

«Издательские решения»

Бабчинецкий А.

Иван III. Новгородское противление. Роман / А. Бабчинецкий —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-852315-1

Несмотря на молодость, Иван III обладал умом настоящего политика. Чтобы показать Европе, насколько сильна Русь, он попытался присоединить к ней Казань. А в это время за спиной молодого царя Новгород вёл переговоры, надеясь с помощью польского и шведского оружия превратить город в оплот католицизма. Иван III собрал все свои силы воедино и в шелонской битве разгромил своих врагов. Не зря говорили, что Иван III был похож на Петра Великого: один был творцом, а второй — преобразователем России.

ISBN 978-5-44-852315-1

© Бабчинецкий А.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Первая глава	9
Вторая глава	13
Третья глава	18
Четвёртая глава	24
Пятая глава	31
Шестая глава	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Иван III. Новгородское противление Роман

Александр Бабчинецкий

*От его поступков зависит
благоденствие страны.
Он ничего не выбирает в жизни,
а слушается выбора других.
И соблюдает выгоду народа.*

(У. Шекспир. Гамлет.)

© Александр Бабчинецкий, 2017

ISBN 978-5-4485-2315-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Как незаметно подступает осень: почти мгновенно редуют яркие густолиственные роши. В иных местах они проглядываются насквозь. Всё прозрачнее высокий свод небес, по которому с последними птичьими стадами, ослепительно белые, словно первый снег, проплывают высокие холодные облака. И вот уже косые дожди сбивают последнюю пожухлую листву с деревьев. А чуть позже среди рыжей травы под ногою хрустнет первая тонкая льдинка; и непрошенным утром неожиданный иней посеребрит бревенчатые тыны да голые макушки камней.

В Новгороде Великом и по сей день в трёх верстах к югу от города, на левом берегу реки Волхова, там, где он вытекает из Ильменского озера, стоит Юрьев монастырь, основанный ещё при Ярославе Мудром, и величественный Георгиевский собор. Неизвестный русский зодчий Пётр сумел придать мощному объёму собора характер законченного целого. И даже высокая прямоугольная башня с северо-западного угла, внутри которой расположена лестница, ведущая на пышные полаты – хоры, не смотрится здесь чуждым элементом.

По дороге, робко крадущейся вдоль сплошной стены уже почерневшего осеннего леса, прямодушная походкой смело шагал странник. Некто сторонний мог бы заметить за спиной одного тощеватую котомку. Крепкой ладонью сжималась походная палка, которую путник ставил рядом с выдавшими виды чоботами, сшитыми явно не местными сапожниками. В своё время они могли бы очень многое сказать о своём владельце, но теперь сдавленно помалкивали, переживая уже десятую молодость. Их обладатель тоже не вчера обнаружил на своей лысеющей голове, а также седеющих бороде и усах, богатство прожитых лет.

На вид этому человеку можно было бы дать лет за семьдесят, однако что-то подсказывало, будто он несколько моложе ожидаемого. «Да, – сказал бы тогда Сторонний. – Видать, мужчина прожил тяжёлую жизнь и получил от неё немало синяков и ссадин. Слава Богу, ещё хоть в живых остался!» Так продолжалось длительное время, ибо странник, наверняка, шёл не из Великого Новгорода, а из мест более отдалённых, поэтому и чувствовалась его усталость, добавочно усиленная недоеданием и недосыпанием. Однако всё когда-то кончается. Подошло к завершению и путешествие мужчины, который приблизился к монастырским воротам и несколько раз ударил в них кулаком.

Монастырь сей отражал особенности личности его основателя. Усилия руководителей были направлены на поддержание внешнего благочестия и безусловного послушания. Иноки находились под неусыпным наблюдением игумена и старательно следили друг за другом. В обители монастырская дисциплина смиряла энергию характера, сглаживала личные особенности, приучала к гибкости и податливости, а также вырабатывала людей, которые могли быть готовы поддержать и распространять идеи основателя монастыря.

«Вот где я по-настоящему отдохну! Трудно теперь представить, что не добрые люди могут возмутить здесь моё спокойствие, – подумал странник. – За этими стенами я проведу остаток своих дней, а для этого на исповеди открою настоятелю свою грешную душу, авось, он даст мне необходимое убежище».

И тогда уже с удвоенной решимостью дал знать о своём требовании. Вскоре долго желаемое исполнилось, как только послышался скрип открываемой калитки. Рядом с нею стоял монастырский служка. Оный при упоминании путником имени игумена знаком предложил следовать за ним. Навстречу им попался отряд таких же монастырских служек в шишаках¹ и кольчугах. Они ехали шагом и пели псалом:

¹ В старину металлический шлем с остриём, заканчивающимся шишкой

«Возлюблю тя, Господи, крепосте моя». Услыша священные слова, пришедший остановился, снял с головы поярковый грешневик² и истово перекрестился, прошептав хваление Христу.

Блуждание по открытым и закрытым переходам монастыря уже были не утомительными после длительного похода к Божьей обители. Глаза не видели ничего кроме мельканий света и темноты. Но вскоре всё прекратилось, когда двое оказались возле с виду неприметной кельи, а после и вошли туда.

Престарелый игумен, с длинною седою бородой и кротким взглядом, в котором было совершенное неведение дел мирских, принял посетителя ласково.

– А ведь я знал, – воззрился настоятель на странника. – Знал, что ты обязательно сюда придёшь.

– Неужто известия о моём отъезде были столь настойчивыми?

– Да, сын мой, – несколько раз кивнул головой игумен, – но мне постоянно грезилось, будто со дня на день ты будешь здесь.

– Так и случилось, святой отец. Пути Господни неисповедимы.

Внезапное молчание – спутник тишины – возникло с выходом служки из игуменской кельи.

– Ты, наверняка, голоден, коль скоро преодолел такой путь...

– Несомненно, святой, – сдавленно прошептал странник, – но для начала потребно побывать в храме, получить благословение от Господа нашего, Иисуса Христа.

Старик взглянул на него испытующим взором, насколько позволяли его добродушные глаза.

Странник теперь уже в одиночестве прошёл обратным путём и увидел церковь, взметнувшую многоглавые кресты к хмурым небесам. Ноги сами ступили вперёд.

Он вошёл в храм через притвор, место, где можно привести себя в порядок, подготовиться к общению с Богом, сосредоточиться, отбросив всё житейское, мелкое и суетное... Вошедший попал в обширное помещение храма – его среднюю часть, расположенную под куполом, откуда смотрит на людей Спас-Вседержитель. Странник сразу шагнул к преграде из икон, отгораживающей основную объём храма от его алтарной части. Именно иконостас имеет огромное значение в литургическом действии, а также в создании великолепного убранства храма, который был пока ещё торжественно-тихим. Мужчина осенил себя крестным знаменем, однако не ставил в положенных местах горящие свечи во здравие или за упокой своих близких, а в скорбном молчании прикладывался к чтимым иконам. Храм уже был залит светом. В центральной его части из купола книзу спускался большой светильник со множеством огней – паникадило, а из куполов боковых приделов – светильники поменьше, называемые паникандилами. Горели, тихо потрескивая, свечи в подсвечниках, а лампы – у икон.

Лишь после поклонения иконам Христа и Пресвятой Богородицы пришедший остановился перед главной иконой Георгиевского собора – ликом святого Георгия. Он представлен был в рост с копьём в правой руке, согнутой и прижатой к груди, а также с мечом в ножнах в опущенной левой руке. Круглый щит помещался за левым плечом. Короткие волосы Георгия, завитые в тугие кудри, были стянуты княжеским венцом.

Губы мужчины страстно шептали благодарственную молитву покровителю путников и воинов. Порою слова молящегося становились непонятны стороннему, который мог лишь уловить нечто схожее с речью последователей Петра епископа³.

² Шапка, сваянная из овечьей шерсти

³ Это, по-видимому, «Пётр Гугнивий». Согласно византийским полемическим сочинениям против латинян, этот мифический персонаж был когда-то римским папой. Он впал в ересь, предался всевозможным порокам и положил начало расколу между восточной и западной церквами

Ожидаемое возвращение наконец свершилось. Странник вернулся в келью игумена, который незамедлительно выпроводил служку, оставшись наедине с вошедшим.

– Наверняка вымаливал прощение у Спасителя и святого Георгия, – с лёгкой укоризной произнёс он последнему.

– Попеняй мне, Феодосий, я всё-таки чувствую вину перед Новгородом за презрение, выказанное ему.

– Не Новгород ты предал, но покарал со всею справедливостью предателей государства и противников законного властителя, оному и помог быстрее наказать изменников.

На какое-то мгновение игумен смолк, молчал и пришедший к нему.

– Наверняка, ты бы хотел сохранить в тайне своё истинное имя. Не должно никому знать, дабы не могли никто из братии ненароком или вольно выказать его.

– Ты, как всегда, прав, отче.

– Премилостивый Боже, – продолжал со вздохом старик, – за великие грехи наши попустил ныне быть времени трудному. Не нам суемудрием человеческим судить об Его неисповедимом промысле. Когда Господь наводит на нас глады и телесные скорби, что нам остаётся, как не молиться и покориться Его светлой воле? Ушли в прошлое новгородские вольности, вытребованные великим князем, посланным от Бога. И держим поклонную голову не пред Иваном Васильевичем, а пред волею пославшего его. Вспомним пророческое слово: «Аще кая земля оправдится перед Богом, поставляем им царя и судью праведна и всякое подаёт благодаяние; аще же которая земля прегрешит пред Богом, и поставляет царя и судей не праведна, и наводит на тое землю вся злая». Остаешься у нас, сын мой; поживи с нами.

Когда придёт тебе пора ехать, я вкупе с братиею стану молиться, дабы где ты ни пойдёшь, Господь везде исправил бы путь твой! А теперь пройдем к трапезе. После духовной пищи не отвергнем телесной. У нас есть изрядные щуки, есть и караси; отведай нашего творогу, выпей с нами мёду черемхового во здравие государя и высокопреосвященного владыки.

Вот так и остался странник в том монастыре. Поначалу побыл послушником, усиленно приобщаясь к духовной жизни. А в скором времени принял постриг и стал чернецом, в иночестве Евтихием. Поселили его в келье рядом с кельей иеромонаха Макария. Чернец сидел в иноческой одежде перед свечой и переписывал книгу «Деяний апостола Павла». Игумен посещал сего инока и благословил на написание истории о покорении Великого Новгорода Иоанном III Васильевичем.

Когда позвонили к обедне, иеромонах пошёл в церковь и стал служить. В середине службы явился в храм сей инок и пропел всю обеденную службу до конца. Ему дали просвиру и позвали вместе со всеми в трапезную. Там инок читал жития святых. Хорошо читал, гладко, сладкоголосо. Иноческие труды исправлял усердно, время проводил в работе и молитвах, ничего не имел, кроме одежды, и пищу вкушал раз в неделю.

Первая глава

Тихо в зимнем лесу, тихо до жуткости. Порой взмахнёт крыльями крупная птица, а иногда с зелёной пелерины какой-нибудь вековой ели сползёт белое снежное одеяло, свалившись сугробом на осиновую поросль, и снова лес уgomонится в белесой спячке. Кажется, что не только природа, но и всё живое замерло до весенних дней, утомившись за прошедшие лето да осень.

Однако это лишь кажущееся. Из немого леса протянулась едва приметная нитка дороги, а чуть поодаль чернела убогая деревенька. Тонули в сугробах тяжёлые избы, где теплилась жизнь, топились печи да мерцали под иконами трепетные лампадки. Там, в бревенчатом жильё, в вечном страхе и безысходной нужде копошились те, кто ежедневно и безропотно делал нужное дело. Жизнь этих людей, именуемых крестьянами, была до неразличимости слита с жизнью природы. Только благодаря ей жители этой, да и других деревушек могли меньше страдать от нестерпимого голода и холода.

Из лесной глухомани дорога привела к воротам большого города и далее по многим улочкам да переулкам к островерхим теремам и дворцам, обитатели которых корчились в муках неудовлетворённой алчности и уязвленного честолюбия.

Несмотря на поздний час покои великого князя Московского были тщательно освещены, однако многочисленные гости государя не сидели за пиршественными столами, а стояли небольшими группами или просто сидели, находясь в томительном ожидании. Чем же оно могло быть вызвано?

В пятницу, а именно этот день седмицы подходил к концу, 22 января в семействе Василия Васильевича ожидалось рождение ребёнка. Великая княгиня Мария Ярославна должна была вот-вот разрешиться от бремени. В старину было принято, что перед наступлением потуг родильница ходила в баню с бабкой и женщинами⁴. Этому обычаю следовали не только боярское сословие, но и сами царицы.

Великий князь был ещё довольно молод и в своём двадцатипятилетнем возрасте страстно желал иметь наследника всех своих дел и начинаний, поэтому отринул доброжелательство к государевым гостям и удалился в княжескую молельню, где уже стоял на коленях духовник властвующей семьи. Он так истово отбивал поклоны и шептал молитвы, что первые минуты не замечал вошедшего государя, а когда это произошло при повороте головы, незамедлительно поднялся и знаком осведомился у своего повелителя о состоянии княгини.

– Пока ничего, – с небольшой лаконичностью ответил Василий Васильевич и присел в молчаливом ожидании на маленькую расписную скамеечку.

Духовник незамедлительно опустился на колени перед иконой Пресвятой Богородицы.

«О Пресвятая Владычица Дево Богородице, спаси и сохрани под покровом Твоим дочь мою Марию Ярославну и младенцев, крещёных и безымянных, и во чреве матери носимых. Укрой их ризою Твоего Материнства, соблюди их в страхе Божию, умоли Господа Моего и Сына Твоего, да дарует им полезное ко спасению их. Вручаю их Материнскому смотрению Твоему, яко Ты еси Божественный покров рабам Твоим».

Великий князь поднял голову и прислушался к настойчивому велению кого-то войти в часовню. Призывные звуки наконец были услышаны и священником, который незамедлительно открыл дверь.

– Радуйся, княже, государыня наша Мария Ярославна, Божиею милостью разрешилась от бремени младенцем мужескаго полу и она призывает господина и мужа своего принять на руки княжеского наследника.

⁴ В давние времена первые помощницы родильнице, женщины пожилого возраста

Василий Васильевич вместе с известившим и духовником торопливо покинули часовню и вскоре стояли перед постелью роженицы. Священник тут же давал молитву младенцу, родильнице, бабке и всем присутствовавшим при родах женщинам. Потом младенца понесли в баню, туда же ходил смотреть на новорожденного сам государь. Затем патриарх совершал в присутствии великого князя молебен о даровании ему царевича. Следующим днём по церквям и монастырям отправляли молебны, раздавали милостыни нищим да убогим, освобождали из тюрем неважных преступников. И тут же государь дал приличный стол только для духовенства; стрельцов и других чинов одаривали.

Через несколько дней церковь вспоминала «перенесение мощей святителя Иоанна Златоуста». В его честь младенец и был наречён Иоанном. Однако не забыли и святого Тимофея, которого Иван чтит всю жизнь как своего второго Небесного покровителя.

Крещение младенца совершили игумен Троице-Сергиева монастыря Зиновий и архимандрит Чудова монастыря в московском Кремле Питирим. Оба являлись выдающимися церковными деятелями того времени и немало совершили во славу Божию, а также многим делом было устроено так, чтобы их крестник унаследовал престол отца.

** ** * * * * *

Иван не стеснялся своих слёз, да и скрывать их не собирался. Он размеренным шагом пересёк небольшое пространство, отделявшее царские палаты от обители архимандрита Чудова монастыря в московском Кремле. Княжич в торопливом порыве смело отстранил ладонью вставшего перед ним монастырского стражника с бердышем⁵ в руках. Последний с чисто чиновничьей обязанностью предстал перед царственной особой, выказывая своё прилежание к службе.

– Прочь, холоп, – взвизгнул властительный отрок, поднимаясь по широкой лестнице, усланной домотканной дорожкой до самого верха.

Следующий страж у дверей не рискнул преграждать путь стремившегося попасть внутрь покоев, ибо видел не только расширенные страстной решимостью глаза, но и явные знаки княжеской власти на богато убранном платье: красных соколов также стилизованные изображения солнца.

Питирим только вошёл в свои покои. Он по-старчески устал от навалившихся на него забот после вполне ожидаемой смерти великого князя Василия Васильевича (Тёмного). Желтоватые персты спокойно лежали на подлокотниках кресла, в котором успокоился в приятном отдохновении архимандрит Чудова монастыря. Он уже слился с вкрадшейся в помещение тишиной. Она усладила расслабленностью всё тело. Но что это там?

Внезапно пока ещё чувствительный слух уловил посторонний шум, который появился снаружи. Надо было встать и убедиться в прозорливом подозрении. Распахнувшаяся дверь устранила все вопросы и сомнения. На пороге стоял старший княжич, и его душевное состояние отлично виделось на раскрасневшихся щеках. Он в порывистом откровении опустился на колени перед Питиримом, разрыдавшись.

Ещё раньше, несмотря на свои шестнадцать лет Иван был вполне взрослым и семейным человеком. В 1454 году отец выделил ему собственный удел – Переяславль-Залесский с округой. Здесь под присмотром отцовских доверенных лиц княжич овладевал нелёгким искусством управления людьми. А зимой в восемнадцатилетнем возрасте он стал отцом. 15 февраля у него родился сын от первой жены Марии Борисовны Тверской, которого нарекли в честь Иоанна Предтечи. И теперь этот молодой мужчина спасовал от раскрывшейся перед ним семейной трагедией, в центре которой стоял его умерший отец.

Как «великий Русских стран православный христианский царь» Иван был обязан до последнего дня существования мира исполнять свой долг. Суть его – ответственность пра-

⁵ Бердыш – старинное оружие – широкий длинный топор на высоком древке с лезвием в виде полумесяца

вителя за порученных ему Богом людей. Именно так за десять лет перед тем наставлял Ивана его духовный отец, ростовский архиепископ Вассиан:

«Ты же, убо, государю, духовный сыну, не яко наймник, но яко истинный пастырь, подсиися избавити врученное от Бога словесное ти стадо духовных овец от грядущего волка».

Пламенный проповедник уже давно спал вечным сном в своей каменной гробнице под сводами ростовского собора. Но его духовный сын решил делать то, к чему был призван. Он обязался править так, словно и не замечал, что грозный ангел уже протиснулся в двери. В обстановке всеобщей тревоги он увидел свою задачу в том, чтобы не допустить паники, отчаяния и малодушия. Его подданные должны заниматься своим привычным делом. И ежели Господь и вправду решит свести счёты с людьми, то найдёт их всех, включая и самого государя.

Он нашёл его 27 марта 1462 гола. Незадолго до кончины Василию Тёмному исполнилось сорок семь лет.

** ** * ** * ** *

– Плачь, плачь, отроче, – шевельнул губами архимандрит. – Сия влага не постыдна для всех грешных.

Но сам промыслил продолжение сказанного: «А теперь начнётся страшное: дети станут делить государев престол. Добро, ежели получится всё по-завещанному, но может статься, что даже кровушка чья прольётся».

Питирим гладил наследника по голове ласковым движением пальцев, будто передавал их кончиками нечто затаённое и непостижимое для непосвящённых.

– Главное, чтобы вы по-совести поделили отцовское наследство, да без обид со всех сторон, да и матушку свою не оставили без должных заслуг.

В середине семидневья истекал срок положенного сорокадневного траура по Василию II Тёмному. В преддверии этого брата Ивана, и он во главе их, собрались в царских палатах, где в присутствии дьяка Дворцового приказа и именитых бояр, приближённых покойного государя, зачитали его волю. С нескрываемым волнением и трепетом в сердце слушал это старший княжич, бросавший на свою матушку, Марию Ярославну, полные восхищения взгляды. А ведь и была на то своя причина. Великий князь Иван получал по духовной формальные суверенные права на великое княжение.

– А также и земли, положенные завещанным, – слегка гнусава, как и положено было обычаем, прочитывал дьячок.

Наиглавнейше, «треть в Москве, и с путями, с Добрятинским селом и бортью, и Васильцевым стом, и численными людьми, и ордынцы». Иван Васильевич получил также двенадцать городов со всеми землями и идущими с них государственными доходами. Это Коломна, Владимир, Переяславль-Залесский, Кострома, Галич, Устюг, Суздаль, Нижний Новгород, (с Муромом, Юрьевцем и Великой Солью), Боровск, Калуга, Алексин, а также Вятская земля, хотя власть там являлась более номинальной. Иван получил под своё реальное правление больше земель, нежели кто-либо из его предшественников.

По существовавшим тогда законам о старших сыновьях и брата Ивана стали удельными князьями. Юрий получил четыре города: Дмитров с придачей четырёх переяславских волостей, Можайск, Серпухов, Хотунь и двадцать семь сёл в пяти уездах (Москве, Коломне, Юрьеве, Костроме, Вологде). Андрею Большому достались три города: Углич, Звенигород и Бежецкий Верх, а также несколько сёл. Борис наравне с Андреем тоже стал владельцем трёх городов: Ржева, Волока и Рузы, далее двадцати больших сёл в шести уездах (Москве, Коломне, Владимире, Вологде, Костроме, Переяславле). Без владений не остался и Андрей Меньшой, ставший наследником Вологды с Заозёрьем и рядом отдельных волостей и сёл.

Каждый из князей не только в своих городах, но и в отдельных волостях и сёлах выступал не как феодальный вотчинник, но как полноправный независимый владелец с неограниченным правом суда и управления.

Являясь мудрым правителем, Василий II, учёл и возможные недовольства сыновей по поводу раздела стольного града, поэтому каждый наследник получил долю в самой Москве и стал соучастником политической власти в столице. Умиротворителем в спорах между сыновьями традиционно осталась их мать, великая княгиня-вдова, которая унаследовала городок Романов, многочисленные сёла и волости в Верхнем Поволжье, а также получила в суверенное владение половину Ростова (после её смерти она должна перейти к Юрию). Другая половина оставалась за местными князьями, потомками Константина, старшего сына Всеволода Большое Гнездо.

Четверть века кровавой усобицы привели к ликвидации почти всех московских уделов. Уцелело только Верейско-Белозёрское княжество Михаила Андреевича. Казалось бы, что вся Московская земля будет отныне подчиняться непосредственно великому князю – победителю в феодальных распрях. Однако этого не произошло. Старая политическая традиция вовсе не была преодолена. Энергичный борец с удельным княжением Василий Тёмный рубил только сучья, не трогая корни. В своём представлении о сущности великокняжеской власти он не поднимался выше уровня традиционного мышления. По его мнению, русская земля должна быть совокупностью княжеств. Он собрал Московскую землю в свои руки, но тут же разделил её между своими сыновьями. Вместо старых уделов возникли новые. Не изменивши ничего, древняя система разделения Руси возродилась, подобно птице Феникс, из пожаров феодальных войн. В конце всех дележей и наследований Боровицкий холм вновь стал местом притяжения череды приёмов, торжеств и церемоний. Двадцатиоднолетний Юрий, пятнадцатилетний Андрей Большой и двенадцатилетний Борис стали разъезжаться по своим наследным уделам. Молодые князья, получившие законную власть, впервые почувствовали себя вполне свободными и насладились сознанием самостоятельных правителей. И, слава Богу, что пока ещё никто из них не выказывал недовольства на малость своего наследства, на прижимистость старшего брата, ставшего по велению закона великим князем.

А оный сразу по восшествии на престол высшей государственной власти отправил своего наместника в Великий Новгород, а также посла Григория Волнина в Орду со многими дарами.

Вторая глава

По совокупности знаний историков и этнографов известно, что в древние времена славяне жили в лесах и пещерах. Когда они обрели оседлость, тогда стали строить хижины; но в местах диких, уединённых и среди непроходимых болот. Узнав выгоды от земледелия и скотоводства, они получали всё необходимое для поддержания жизни: поля и животные снабжали их пищей; непроходимые леса охраняли жилища и нередко служили при военных событиях защитой. Жители тех краёв не страшились уже ни голода, ни свирепых зим, поскольку делали достаточные запасы, которые их и поддерживали до весны.

Возможно, именно поиски пастбищ для скота с давних пор вынуждали славян постоянно переходить на другие земли. Таким образом у них укрепился дух к открыванию и захватам новых территорий.

И в этой связи стоило бы сказать о повольничестве или ушкуйничестве⁶ – чистом продукте новгородской жизни. Именно в нём находила выход для своей энергии буйная и неугомонная новгородская молодёжь, которая не ведала, куда деваться со своею силою и молодечеством, все те, у кого душа просилась на волю погулять по белу свету.

Подобные ватаги ходили далеко от Великого Новгорода в поисках мест сбыта товаров, производимых ремесленниками и мастеровыми вечевого республиканского города. А поскольку подобные группы были многочисленными, к тому же, и снаряжение да вооружение имели отменное, то у них были возможности покорять своей воле небольшие городки и крепости. К примеру, значительный по количеству людей отряд ушкуйников взял бесерменский городок на Каме, называемый Жюкомень (Жукотин). Повольники вышли на Волгу, спустились к Нижнему Новгороду, а затем прошли в Каму. Действия этих гулящих людей были направлены против восточных купцов: татар, армян и болгар.

Андрей Аврамьев прошагал к голубой ленте прохлады, чтобы наполнить котелок для ухи. Молодой мужчина присел над рекой, но затем встал на колени и раздвинул ладонями в сторону зелёные наплывы ряски; только тогда зачерпнул воду.

Мягко ступая по шелковистой траве, вернулся к разгоревшемуся костру и повесил над ним котёл с будущим варевом. Сделанное дело побудило организм к успокоенности. Глаза внимательно созерцали пляшущие на поленьях языки пламени. Огонь благоприятствовал воспоминаниям, словно бы призывая к размышлению о прошлом...

...Оно казалось поначалу ничем не омрачённым. Были у Андрейки мать и отец, жившие на Купецкой (Торговой) стороне Новгорода⁷ И поскольку Дорофей Аврамьев относился к житейным людям⁸, то есть к зажиточным, ибо происходил из старинного боярского рода, начавшегося ещё при Иване Калите, то проживал со всею челядью в доме в два жилья с надстройкою наверху. Перед входом стояло крыльцо с кувшинообразными колоннами и покрывалось остроконечными кровлями.

Андрей помнил, как шалил с детьми прислуги, бегая в нижний этаж через особую от крыльца дверь. Ступени его вели обыкновенно на террасу, называемую рундуком и огороженную балясами (фигурными столбиками), потом прямо в сени второго яруса. Там, в пестрой

⁶ Бесспорно, что слово «ушкуйники» происходит от слова «ушкуй» (ускуй, скуй, вушкул), которым обозначался особый род судна, отличный от обычных речных лодей. Ушкуи – большие речные гребные суда, пригодные для плавания по большим рекам. Они были легче, чем лодьи-насады, так что их можно было легко перетаскивать волоком

⁷ Новгород в старину делился рекой Волховом на две части: Купецкую (Торговую) и Владычную (Софийскую). На Владычной стороне было три конца: Людин, или Гончарский, Загородский и Неревский, а у Кремля – Околоток. На Купецкой стороне – два конца: Славенский и Плотницкий. Обитатели концов назывались «кончане», а обитатели улиц – «уличане». Концы и улицы имели свои веча – «кончанские» и «уличанские».

⁸ Житейными людьми назывались собственно те, которые имели свои дворы и оседлость в концах

ющих комнатах и клетушках, можно было играть в прятки. Во дворе же родители разрешали устраивать игры в лошадку, шнур и верёвочку.

Однако детство закончилось с появлением на подворье Герасима Чёрного, который доводился матушке двоюродным братом. Поздним вечером в столовой гридне состоялся семейный совет, а после него судьба Андрея была решена отцом окончательно и бесповоротно. Надлежало десятилетнему недоростку ехать в ближайший монастырь для обучения всему, что необходимо в современной суровой жизни. Ближе к полудню это и произошло.

Словесность и науки нашли приют в монастырских стенах: там иноки занимались переписыванием священных книг, сочинением летописей и поучений. Науки были любимы в уединённых кельях. Святители и пастыри проповедовали христианское смирение и упование на Бога – защитника.

Монастырская братия настороженно приняла появление нового инока, нареченного среди них чернецом Исайей. А он почти восемь лет постепенно сознавал, с какой глупостью приходится расставаться, и с не меньшим удивлением обнаруживал то одну, то другую ряску, становившуюся слишком короткой и тесной.

Весьма разумно и ненавязчиво приобщал старец отрока Андрея к духовной пище монахов. И сразу после овладения основами наследия «солунских братьев»⁹ Герасим раскрыл перед племянником вынутый из потаённого места в его келье некий фолиант, в потёртой кожаной обложке неопределённого цвета и с медным фермуаром.

– Созерцай, отроче, – подслеповато прищурился на родственника Чёрный, но пока не узрел на его лице ни малейшего всплеска интеллекта. – Сейчас перед тобой главная книга всех христиан – Библия, ибо на греческом она такое название и имеет. И представляет собой собрание религиозных документов, которые создавались на протяжении многих столетий. Считается, будто первые произведения этого огромного тома появились тринадцать веков до Рождества Христова, а последние – через двести лет после Него.

Поскольку формирование библейских книг продолжалось весьма длительное время, то в них нашли отражение различные события из жизни древних европейских племён: их хозяйственные занятия, войны и походы, их образ жизни, многие социальные явления, понятия об устройстве мира, и вместе с тем формирование религии и религиозных обычаев, ценностей и заповедей.

Колыхались язычки пламени на оплывших свечах, которые были поставлены в бронзовые канделябры. Герасим продолжал взволнованно и чуть подавленно вещать о том, что, возможно, когда-то ему довелось услышать из уст такого же седовласого наставника:

– На протяжении пятнадцати столетий создавался сей выдающийся памятник, который состоит из древних исторических, литературных и идеологических частей, написанных многочисленными авторами в разное время.

– И с этой поры прилежный ученик старательно изучал канонические книги Библии, а оными считаются следующие: Бытие, Исход, Левит, Числа, Второзаконие, книги Экклесиаста, Исайи, Иеремии, четыре Евангелия (от Матфея, Марка, Луки и Иоанна), а также Откровения Иоанна Богослова. Наряду со всем этим подросток постоянно упражнялся с Герасимом в знании греческого языка, но втайне от него изучал и латынь. Подобная загруженность поначалу утомляла Андрея, но чуть позже он сам потянулся к знаниям, которые уже не казались ему занудными и надоедливymi, в то же время пытливого инока нельзя было назвать пресыщенным.

Укладываясь на отдых в своей келье, он всякий раз удовлетворённо улыбался, вспоминая прошедший день, в течение которого ему довелось перевернуть очередную страницу в книге познаний. И только перед сном вспоминал о необходимости посетить родителей, у которых

⁹ Имеются ввиду создатели славянской письменности – Кирилл и Мефодий

так и остался единственным наследником. Рождавшиеся раньше, по какому-то роковому стечению обстоятельств не доживали даже до года, умирая от неведомых болезней. По этой причине не только близкая родня, но и соседи стали опасно озираться при встрече с кем-либо из Аврамьевых. Самые экспрессивные и невыдержанные бормотали какие-то проклятия всему семейству и даже тайком плевали им вслед.

Знал Андрей, что особенно отец с превеликой радостью дожидался появления сына в родительском доме. И тогда там зажигались все свечи в столовой гридне, куда приходили какие-то ещё остававшиеся верными друзья Аврамьевых. Естественно, что это были тайные посещения, ибо эти люди боялись соседского осуждения. А пока что с упоением слушали умудрёнными знаниями молодого монашка, который рассказывал много такого, о чём эти многодоставочные гости хозяина дома даже никогда и не слыхивали.

И когда Андрей завершил очередное повествование об узанном, некто из пришедших тоже возжелал блеснуть своими знаниями и, хитро подмигнув собравшимся, вдруг произнёс с гримасой заговорщика:

– А знает ли кто из вас, зачем стоит в половине поприща¹⁰ от Георгиевского монастыря каменный крест или в честь какого события он там поставлен?

Молчание собравшихся утихомирило самую громкоголосую тишину. Никто не желал нарушать её и выказывать перед всеми своё абсолютное неведение: стыдились просто.

– А сам-то ты знаешь ответ на вопрошаемое? – осведомился самый старший из гостей и, очевидно, более уважаемый.

И теперь настала очередь задавшего каверзный, по его мнению, вопрос устыдиться слабости в знаниях.

Андрей сумел разрядить гнетущую обстановку.

– Я смогу поведать вам о человеке, в честь которого поставлен тот крест. В памяти моей ещё свежо рассказанное игуменом нашего монастыря. Возможно, вы станете обвинять меня в обмане и позёрстве, ничуть я этим не обижусь, но истину скажу такую, какую я действительно узнал из уст отца святого.

Молодой монашек замолк, когда увидел на лицах всех печати интереса и вниманья, они готовы были слушать.

– Я изложу предание, связанное с именем Иоанна Новгородского, который в лето 6675¹¹ от сотворенья мира стал первым новгородским архиепископом. В оном звании пребывал он двадцать лет и после преставления был похоронен в Софийском соборе.

Рассказчик вдруг снова затих, но теперь лишь просто для того, чтобы приготовиться самому и настроить слушающих на длительное повествование.

– Итак, подобие легенды говорит о том, что Иоанн усердно подражал древним аскетам, и однажды ночью во время моления обнаружил беса в медном сосуде умывальника. Когда Иоанн уразумел бесовские козни, то стал осенять умывальник крестным знаменем, так что поместившемуся там бесу некуда было деваться. Поэтому в нетерпении своём таких мучений, начал слуга сатанинский вопить:

– О, горе мне лютое! Огонь палит меня, не могу вынести ни минуты, поскорее освободи меня, праведник Божий!

Сжалился святой над нечистой силой.

– Ладно уж, – промолвил Иоанн. – Помогу в твоём бедственном положении, ежели ты обратишься в коня и отвезёшь на себе в Иерусалим.

¹⁰ Старинная русская мера длины, равная приблизительно существующему километру

¹¹ Для перевода времени на современное летоисчисление нужно отнять 5508; 1167 г. от Р. Х.

И той же ночью архиепископ очутился в святом городе и молился в церкви Воскресения, где находится гроб Господен¹². После возвращения обратно бес перед тем, как покинуть келью Иоанна, сказал ему:

– Заставил ты меня в одну ночь донести тебя из Великого Новгорода в Иерусалим-град и тогда же назад. Ведь заклатьем твоим, как цепями был я крепко связан и с трудом всё перетерпел. Ты же не рассказывай никому о случившемся со мной. Если проговоришься, то я тебя оклеветашу. Будешь тогда как блудник осуждён, и сильно надругаются над тобой, посадят на плот да пустят по Волхову.

Долго скрывал происшедшее архиепископ. А в один день случилось непоправимое с ним. Вёл он душеспасительную беседу и известными игуменами, выдержка покинула его, не сумел укротить своей болтливости и поведал о случившемся, хотя представил его так, будто героем повествования был неизвестный человек.

Слуге Сатаны хватило этого для мести. С этого часа начал он клевету возводить на святого. А для сего превращался он в некую женщину, которая время от времени входила и покидала келью архиепископа. Естественно, что подобное не осталось без внимания многих людей. Да и в самой келье замечали то монасты девицьи, то одежду и обувь. Вознегодовали горожане, пришли к келье своего архиепископа, сзвали его насильно, надругались над ним, посадили на плот и пустили по реке. Так и сбылось предсказание беса.

Однако истинная и страстная вера в Господа, молитвы к Нему свершили необыкновенное. Поплыл плот, на котором сидел Иоанн, но только не вниз по течению Волхова, а вверх, к монастырю Святого Георгия. Люди же, узревшие это чудо, раскаялись, побежали в храм Софии Новгородской и просили священный собор идти с крестами и иконами по берегу реки вверх, умоляя архиепископа, чтобы он вернулся на свой престол.

Волхов тихо нёс на своём водном теле плот с Иоанном против сильного течения, а невдалеке по берегу шли люди с крестами и хоругвями, и просили у него прощения за грех свой, также молили вернуться на архиепископскую кафедру. За половину поприща от Георгиевского монастыря крестный ход и народ остановились. Архиепископ внял их мольбам и поплыл к берегу, будто невесомый по воздуху. Затем поднялся с плота, сойдя на землю. И пошёл архиерей Божий с крестным ходом в мостырь св. Георгия и совершал молитвенные пения со священным собором.

О произошедшем в Новгороде не ведомо было монастырскому архимандриту, которого никто не известил о том, что сам архиепископ Иоанн ступает в свою обитель. А вот живший тогда в монастыре признанный монашеской братией юродивый, который имел дар провидца, предупредил настоятеля:

– Ступай немедля навстречу святителю Божьему Иоанну, архиепископу Великого Новгорода.

– Наверняка ошибся ты, Божий человек, – отрезвляюще возразил архимандрит. – Святитель сейчас в своих покоях. Не должно такому человеку, подобно смерду, бывать абы где.

Однако для самоуспокоения приказал своим людям убедиться в правоте слов юродивого. Посланные вернулись довольно быстро и с радостью подтвердили предполагаемое.

– Пусть трезвоном встречают нашего владыку, приближающегося к храму.

Иноки этой великой лавры собрались вместе и взяли кресты, а после отправились из монастыря, приветствуя святителя Божьего Иоанна. А оный благословил монастырь и его чернецов, а также совершил молебен. Он с великой честью вернулся на свой престол. И на том месте, где плот архиепископа пристал к берегу, поставили каменный крест «во свидетельство преславного чуда сего святого и в назидание всем новгородцам, чтобы не дерзали сгоряча да необдуманно осуждать и изгонять святителя».

¹² Фрагмент этой легенды был в своё время использован Н. В. Гоголем при написании повести «Ночь перед Рождеством».

Закончившееся повествование не нарушило прежней тишины. Все сидели, словно замороженные словами монашка; к чести сказать, за рассказываемое время никто из гостей не посмел даже притронуться к стоявшим на столе яствам, что и было замечено положительного Дорофеем и его супружницей. Самый старший и всеми уважаемый из собравшихся поднялся с приветственным словом:

– Благодарность желаю выразить хозяевам сего дома гостеприимного, но особенное уважение желаю проявить этому умудрённому знаниями отроку. Порадовал ты нас, чернец, богато, – густым баском заканчивал своё хвалебное слово дородный мужчина. – Зато и приветчать тебя с тех пор станут. Сам первый, клянусь тебе в том, да и, думается, остальные поддержат меня в приветствии таком.

Гости дружными шептаниями подтвердили своё согласие, а вскоре расходиться стали по своим подворьям.

Третья глава

Время было к вечеру. В храмах горели одинокие лампы; сквозь слюду и пузыри окон светились в домах огни, зажжённые верою или нуждою. Лишь в великокняжеских хоромах было сумрачно. Только единое оконце светилось одинокой свечой, которая являлась скудным бликом в спальном покое. Огонёк то замирал, то вспыхивал, и в эти переливы света, казалось, ползли по стене ряды огромных пауков.

Супруга Иоанна III достала из потайной дверцы костяной ларец и отперла его ключом, висевшим на шее. Понемногу, одна за другою, выходили на свет Божий дорогие вещицы, заключённые в драгоценном хранилище. Княгиня подносила к огню то цепь золотую с медвежьими головками или чешуйчатый золотой пояс, то жуковины (перстни) яхонтовые да изумрудные, то крестики, монисты да запястья дорогостоящие. Любовалась ими, надевала ожерелья себе на шею, но жаль, что не у кого было спросить: идут ли они к ней. Брала зёрна бурмицкие и лалы в горсть, пускала их, будто дождь, сквозь тонкие персты, тешилась их игрою, как настоящее дитя, – как вдруг почувствовала страшное недомогание, бросив всё кое-как обратно в ларец, и заперла тайник. Едва сумела добраться до кровати под роскошным балдахинном. Потом лежала, почти раздевшись. Порою она отрывала голову от подушек и садилась. Затем снова опускалась на мягкую перину. А вдруг металась на постели, как будто ей дали отраву. Внезапно издала протяжный вопль, после которого дверь в комнату резко отворилась, пропустив туда Наталью Полуектову, жену Алексея Полуектова, государева дьяка.

– Что желает приказать великая княгиня, наша повелительница? – спросила она и нагнулась в рабском поклоне.

– Попроси сюда мою свекровь, Марию Ярославну, ради всего святого, – сложила умоляюще ладони Тверичанка.

Жена дьяка быстро покинула спальню княгини.

И туда через некое время вошла мать государя, сохранившая отблеск былой красоты. Она остановилась, внимательно глядя в лежавшую дочь тверского князя. Нечто подозрительное пробудилось в сознании этой властной женщины, поэтому она решительно шагнула к кровати и склонилась над Марией Борисовной.

Та сразу открыла глаза, встретившись взглядом со свекровью.

– Мне холодно, – чуть ли не клацнув зубами, прошептала она. – Согрей меня.

Мария Ярославна присела рядом с Тверичанкой и обняла её за плечи, прижавшись к ней всем телом.

– Мне скучно, тошнѣхонько, тоска меня гложет, будто змея подколодная лежит у сердца.

– Ты просто изгоревалась по отъехавшему супругу своему. Успокойся, голубушка моя! Вот прогонит Иванушка басурманов да прочих нехристей и воротится.

Мать-княгиня пыталась ласковостью да уговорами привести невестку в нормальное состояние.

– Нет, нет, – горячо всхлипнула Тверичанка. – Чувствую, я жар в голове, а в ногах – смертный холод. Пусть священник меня исповедует перед отшествием в мир иной.

– Свят, свят, с тобой, дитяtko, – испуганно взмахнула ладонью Мария Ярославна. – Сейчас лекаря выкликну либо доку¹³. Кто-нито обязательно поможет в бедствии твоём.

Немедленно покинут спальный покой и послан человек за царским лекарем. Мария Ярославна не могла оставаться в бездействии. В такие мгновения скучная и, похожая на истёртую монету, жизнь становилась для неё полной душевных переживаний. Эта женщина весьма сочувствовала своей невестке, но в то же время знала, что брак княжича с Марией Борисов-

¹³ Особливо на деревне человек тот видный. Всякие порчи от ведьм и злых колдунов исправить может. (Владимир Даль).

ной был вынужденным и имел чисто политическую подоплёку, поэтому Иван тяготился таким супружеством. И не считал нужным скрывать своих настроений даже от придворных.

– Если кто-то из сторонних действительно приложил к смерти её свою преступную длань, клянусь образом Пресвятой Богородицы, узнаю это непременно, – с упрямой настойчивостью прошипела мать государя. – И сделаю всё возможное для должного наказания.

Её довольно скоро известили о приходе дворцового медика, которого сразу провели к постели великой княгини. Туда прошла и Мария Ярославна. И обнаружила тщедушного вида мужичка с явно иудейскими чертами лица. Оный внимательно осматривал невестку, заглядывал в рот и ноздри, трогал ладонью лоб, приглядывался к зрачкам. Время от времени что-то бормотал под крючковатый нос с совершенно белыми усами и клиновидной бородкой, чем-то напоминающей козлиную. Внезапно он обернулся назад и увидел наблюдавшую за ним государеву матушку.

– Ну что поведаешь об её недуге? – пытливо осведомилась она и бросила такой же взгляд на неподвижную невестку, весь вид которой говорил сам за себя.

– Не жилица она уже. Хотел ей кровь пустить, однако отравы адская её сгустила. Этот яд невозможно определить и средства спасения от него нет.

– Неужели и взаправду ей суждена смерть от зелья?

– Я немного сомневаюсь, что здесь применили только его. Мне довелось случаем узнать, будто Наталья Полуектова якобы тайно посылала к некоей бабе – ворожее в Новую Слободку пояс великой княгини для злой ворожбы. А от такой напасти уже ничего не спасёт, слишком поздно. Лекарь словно предчувствовал назревающий вопрос.

– Она не доживёт и до полудня завтрашнего дня. Советую послать скорого гонца к государю с печальным известием в Коломну. А сюда допустить треба священника. Кому могла помешать добрая и смиренная женщина – неведомо.

С этими словами иудей вышел из спального покоя и зашагал в известном ему направлении. Мария Ярославна мысленно согласилась с пожеланием лекаря и повелела отправить верхового к Ивану Васильевичу. Она знала, что по тяжёлой весенней распутице самый настойчивый и быстрый всадник мог достигнуть Коломны только за день.

Предпринимать какие-либо шаги супротив отравительницы и дьяка Полуектова она тоже не решалась без дозволения на то сына или согласия кого-либо из Боярской Думы. И предавать земле Тверитянку в случае её кончины (а в последнем мать государя не сомневалась) было нельзя ввиду отсутствия Ивана. Так что оставалось только, уповая на милость Божью, дожидаться завершения Им всех начинаний.

Мария Борисовна Тверская скончалась накануне большого праздника – весеннего Юрьева дня, в пять часов утра преставилась благоверная и христоролюбивая, добрая и смиренная дочь великого князя тверского. В граде Москве «митрополит же Филипп, пев над нею обычна песни и положи ю в монастыри». Обычно в ту эпоху умерших хоронили на другой день по кончине.

** ** * * * * *

Великий князь получил весть о смерти жены не ранее, чем в среду вечером. Однако не поспешил в Москву, чтобы скорее стать главным вдохновителем и организатором похорон.

– Неужто поспешать не станем? – осторожно спросил государев дьяк Гридя¹⁴.

Иван обернулся на топтавшегося подле двери слугу, на лице которого явно выражалось страстное ожидание, а в глазах плясали огоньки некоего желания. Ведал о нём молодой государь. Дьяк хотел торопливо оказаться в столице, чтобы скорее предстать пред очи своей воз-

¹⁴ Волнин Григорий (Гридя) Иванов – дьяк великого князя Ивана III; в 1471\72гг. был послом при татарском хане Ахмате, который при своём бегстве увёл одного с собой. В 1477 г. русский царь послал его во Псков, чтобы поднять псковский люд против Новгорода. Похоже, это то же лицо, что Гридка Иванов, кой писал купчую князю Даниилу Холмскому.

любленной. И тогда Ивану пришло на ум вполне естественное: умершая супружница сотворила Богу угодное. Теперь государь волен по своему желанию связать себя новыми священными узами брака. Вот только есть ли у царя своё желание? Сомнительно сие.

– Поздно уже ныне, – спокойно обрезал он Гридю. – Ночевать тут станем. Всё большое делается по утреннему разумению. Нельзя гневить Господа недомыслием.

Слуга с видимой неохотой повернулся к двери.

– Повели от моего имени седлать лошадей к рассвету. Поедем верхом с подможными: так скорее будет.

Государь довольно усмехнулся, посмотрев на удалившегося дьяка, а сам прошёл в спаль- ный покой и присел подле трёх свечей, бросавших яркие отблески на роскошную постель, однако пока не собирался отдыхать. Думалось о многом.

В январе 1464 года вся Москва гуляла на свадьбе молодого рязанского князя Василия Ивановича. Жених – единственный наследник некогда могущественного Рязанского княже- ния – согласно завещанию отца, с восьми лет воспитывался при московском дворе. Здесь заботливые опекуны, которые уже давно присмотрели для своей власти Рязанскую землицу, подыскали ему невесту – княжну Анну, родную сестру великого князя Ивана Васильевича. Это вспомнилось как-то само собой в думах о потере супруги.

А теперь это внезапное появление в русских землях татарских воинов. Их нападение, к счастью, оказалось не столь опасным. Не успев дойти до Оки, они схватились между собой. Известие, полученное Иваном в Коломне, весьма его обрадовало. Оказалось, хан Волжской Орды, Махмуд пришёл на Русь со всей своей Ордой и остановился на Дону, но затем пошёл дальше. И ближе к Оке столкнулся в жаркой схватке с войском правителя Крымского ханства Хаджи-Гиреем. Начавшаяся битва между «погаными» успокоила великого князя. Русские кня- жества неожиданным образом избавились от очередного басурманского нашествия.

Обдуманное решение принял лишь к утру после бессонной ночи. Вскочив в седло под- ведённого коня, он взмахнул ладонью совсем в противоположную сторону, чем весьма обес- куражил Гридю, который тоже сидел на лошади, но готовый помчаться в столицу.

– Пока наш путь лежит в ближайший монастырь.

Дорога пролегла по обжитым местам: почти везде виднелись убогие жилища землепаш- цев, которые ожидали от ранней весны большого благоденствия и достатка. А в ином месте уже примечался одинокий пахарь, шедший за своим худобой, а впряжён был оный в старенькую сошку, которая и досталась ему, верно, от какого-либо давно забытого предка, возможно, это была семейная реликвия.

И снова продолжение прежних дум дало о себе знать. Однако теперь оно всё ненужное отметалось, осталось только связанное с необходимой поездкой. А она была действительно нужна, чтобы выполнить освящённый предками обряд.

Переступая порог обители, князья расставались со своими мирскими богатствами. Бра- тия монастыря вся в лаптях и залатанных ризах, «аще от вельмож кто, от князей или от бояр...»

Всяк мог сподобиться вечного блаженства через посмертную молитву. А для обеспече- ния таковой следовало не скупиться на щедрые пожертвования в пользу монастыря. Таким образом, грешник как бы покупал себе богомольцев на веки вечные. На помин души жерт- вовали книги, сосуды, хлеб, скот, платье. Состоятельные люди усвоили своеобразный взгляд на грех и покаяние. Любой грех они надеялись после кончины замолить чужой молитвой.

На старости лет князья щедро наделяли монастыри сёлами и выдавали им жалованные грамоты. Для устройства души усопшего наследники при разделе имущества выделяли обяза- тельную долю в пользу монастыря. Монахи назначали всё более крупные суммы за внесение имени умершего в монастырские поминальные книги – синодики. Пожертвования сопровож- дались учреждением «корма» в пользу всей молящейся братии – в день ангела и в день кон-

чины вкладчика. «Корм» включал изысканную по тем временам пищу: пшеничный хлеб вместо ржаных лепёшек, медвяный квас вместо простого братского.

Иван первым покинул седло и, взяв коня под уздцы, подвёл к монастырским воротам. Стучать в них не пришлось. Они открылись, словно по-волшебству, выпустив нескольких конных монахов. Увидев пешего государя все шестеро торопливо слезли с коней и поясno поклонились. Только после этого они продолжили свой путь.

– Как же они проведали, что мы приедем сюда? – недоумённо пожал плечами Иванов. – Не приемлю разумом.

Иван промолчал, просто он размышлял, как будет принят игуменом, о котором слышал много лестного и противоречивого.

Монастырь тратил крупные средства на благотворительность. По прямому указанию владыки кормились сотни голодающих крестьян, которые собирались со всей округи. По случаю неурожая и голода игумен просил князя устанавливать твёрдую цену на хлеб, чтобы спасти жизнь голодающих. Владыка управлял монастырём подобно рачительному хозяину, ибо понимал, что разорённый крестьянин – плохой плательщик оброка и не скупился на ссуды и «подмоги». Крестьянин, лишившийся лошади, знал наверняка: игумен выдаст ему «подмогу» из монастырской казны, даст «цену» лошади или коровы, косы либо другой пропавшей вещи.

Но в то же время человечность игумена была направлена лишь на своих. К людям, причисленным к разряду врагов Христовых, он относился без снисхождения и даже с крайней жестокостью.

Государь со слугою остановились возле с виду неприметной двери, за которой скрывалась келья игумена.

– Ты останешься здесь, – последовал от Ивана приказ Гриде.

А сам твёрдой поступью переступил порог настоятеля.

Внешность оного и характерные привычки описывали так: человек среднего роста, красив лицом, имел тёмно-русые волосы и носил небольшую округлую бородку. Он любил петь и читать в церкви, обладал чистым и сильным голосом, знал наизусть Священное Писание, был приветлив в общении и сострадателен к слабым.

– Приветствую тебя, святой отец, добрый пастырь своей паствы и всей округи, первым выказал дружелюбие Иван, улыбнувшись игумену Мефодию.

Последний вышел из-за стола и уж было хотел поклониться государю, который не позволил этого человеку, годившемуся ему в отцы. Мало того – сам слегка склонил уважительно голову.

– Не пристало тебе, святейший, кланяться мирским.

– Выказываю тем покорность власть держащему.

Мефодий увлёк Ивана на свою лежанку, присел и сам, а тогда уже осторожно осведомился о причине появления в монастыре.

– Какая срочная надобность привела тебя в святую обитель?

Игумен пронзил великого князя ожидающим взглядом и внезапно содрогнулся, будто нечто увидел, а более того – ощутил всей своей сущностью страшную потребу государя.

– Накануне Юрьева дня скоропостижно преставилась раба Божия Мария Борисовна, супружница моя пред Господом и людьми, – ответил Иван, подтвердив словами предположение Мефодия. – А по сему желаю я заказать и здесь панихиду по усопшей, ибо лишь к завтрашнему дню окажусь в столице.

– Пожелание или просьба царственной особы для нас, сырых богомольцев, – первейший закон, — смиренно промолвил игумен, не сводя ясного взора с Ивана. – Токмо должен предупредительно сказать, что надобно церковные вещи строить, святые иконы обновлять, также

святые сосуды и книги, и ризы. Потребно и братство кормити да нищим, странным и мимоходящим давати и кормити.

– Ведаю о твоей неустанной заботе пополнять монастырскую казну, а потому и поднимаешь цену поминания души усопшего в зависимости от «чина» богомольца. Или я не прав? – воззрился Иван на Мефодия с иронической улыбкой.

– От твоего зоркого взгляда, государь, не скрыть ничего.

– А и не надо скрывать. Всё тайное рано или поздно становится явным. Просить у тебя снисхождения по оплате даже не думаю. Коль скоро божий человек требует того, надо давать. Со временем это возвратится сторицею к тебе.

После этих слов ещё многое было сказано о жизни и противостоянии зла и добра. Поведанное Мефодием принималось великим князем без оговорок и замечаний. Но высказанное государем зачастую приводило к противоречиям игумена, видевшего в речах Ивана ещё много незрелой заносчивости и необдуманной молодости.

– Просим извинения за внезапный приезд, но таковое требование было от неизбежности, – кивнул головой Иван.

Он вышел от игумена, столкнувшись в проходе с дьяком, который, видимо, только что поднялся с широкого подоконника. Мефодий последовал за государем, но тот сделал предупреждающий жест.

– Не стоит тебе, отче, провожать нас. Дорога отсель ведома мне. Оставайся в келье да помолись, чтоб Господь даровал нам удачный путь в столицу.

Молитва игумена, несомненно достигла Небес. Словно, сам Господь оберегал поездку великого князя из Коломны.

Мария Ярославна более чем кто-либо ожидала возвращения сына. И её нетерпение в этом не мог преодолеть даже начавшийся весенний холодный дождь. Он настойчиво, вместе с порывами ветра старательно врывается в окна. Храбрая женщина приоткрывала их, желая поскорее встретить и первой увидеть Ивана. И всё же неистовство природы пугало её. Мария металась по горнице подобно закрытой в клетях голубице. Она каким-то непонятным чувством предугадала приближение сына, а потому приказала подождать его и препроводить в княжеские покои.

Через некоторое время это и произошло, когда Иван показался на пороге горницы своей матушки, которую он очень любил и уважал. А она подслеповато щурила глаза в слабоосвещённом помещении и вглядывалась в знакомые черты лица.

– Ты довольно странно повёл себя, когда получил известие о смерти Тверитянки, – чуть шевельнула губами мать-княгиня. – Верно, посчитал сделать более важное?

– Да, я заказал панихиду по своей супружнице. Это была важная необходимость, которой не стоило пренебрегать.

– Тут я согласна с тобой. Думаю, ты не сочтёшь легкомысленным назначить сыск отравителей Марии Борисовны.

Она и позже могла иногда угадывать мысли сына.

– Ты правильно предполагаешь. Я сразу после всего случившегося опрашивала наше ближайшее окружение. Перст Господен указал справедливо.

Мария Ярославна снова испытующе смотрела на родного человека и поняла, что от неё требуется.

– Доверенное лицо твоего покойного батюшки, дьяк Полуктово, вернее, его супружница Наталья, тайком посылыла пояс великой княгини к ворожейной старухе для злобного колдования. Ежели применить допрос с пристрастием, можно будет всё спознать досконально.

– И кто же тебе подарил такое утверждение, а ведь наверняка ты уверена в своих словах. Твёрдость в них так и плещется через край? – Естественно, наш дворцовый лекарь Моисей Авраам.

Запомни, матушка, никогда не доверяй словам пьяницы и иудея: и тот, и другой не сообщают, чего вылетает из их поганных ртов.

– Насколько я видела, он был абсолютно трезв и вещал разумное...

– Спасибо, матушка, за твои старания, – слегка склонил голову Иван, ничуть не переживая за прерванную речь матери. – Обязательно приму к сведению твои советования.

Он сразу поднялся с кресла, направившись к выходу.

– Токмо более не пытайся делать никаких шагов без моего ведома и на то дозволения, – сказал, обернувшись, у двери.

На следующий день по приезду великого князя с утра похоронная процессия с умершей Марией Борисовной направилась к собору женского Вознесенского монастыря в московском Кремле. Эта обитель была основана вдовой Дмитрия Донского княгиней Евдокией в начале века в качестве усыпальницы женской половины московского княжеского дома. Провожала невестку в последний путь княгиня Мария Ярославна и по дороге шедши размышляла об обстоятельствах кончины Тверитянки. Чувствовала угрызения совести, не понимая, зачем Наталье Полуектовой понадобилось изводить добрую и смиренную женщину.

Четвёртая глава

Кто-то тронул осторожным прикосновением плечо, побуждая к бодрствованию. Андрей отрешился от своеобразной дремоты и открыл глаза. Над ним со сдержанной улыбкой стоял Прокоп Смолнянин, уже пожилой мужчина, однако продолжавший отзываться на просьбы товарищей по ушкуйническому занятию.

– А мне уже надоело за бабий подол держаться. Дети выросли, обсемьянились да детишек нарожали. Иные в такие люди вышли, что и мне, их отцу, стало завидно на их жизнь глядеть. Вот и подаюсь на заработки, чтоб, стало быть, хотя бы чуток к их богатству приблизиться.

Аврамьев понял, зачем его побеспокоили.

– Присаживайся-ко с нами, – сверкнул добродушным взглядом Степан Ляпа. – Отобедаем добрящей ушицы, а там, глядишь, подумаем, что дале станем делать.

Вся немногочисленная ватага новгородцев одобрительно гукнула, усевшись вокруг снятого с огня котелка, наполненного свежеприготовленным ароматным варевом из рыбы, крупы и овощей. Дружным стуком деревянных ложек о край чугунного вместилища прозвучала своеобразная благодарность Луке да Игнату Малыгиным, которые исстарались для приготовления обеденного хлеба.

– А сладка уха да навариста! – словесно выразил общий молчаливый восторг Степан Ляпа, вылизывая свою ложку и пряча её в вещевой мешок.

После сытного обеда все дружно улеглись на отдых. И вскоре от разных, даже потаённых мест, слышался отдохновенный храп.

– Ну ежели вы и дале такожде время тиранить станете сном беспробудным, то проспите все навары да магарычи, – сквозь сон услышал Аврамьев густой бас Мартемьяна Варфоломеевича. Этот приятный устюжанин вместе с сыном Онцифером почти неслышными шагами появились во временном становище ушкуйников. А оные медленно отрывали свои патлатые шевелюры от разных подголовников и едва раскрывали слипшиеся сонные глаза.

– А, собственно, что вы хотите нам сказать? – уже более осмысленно прошевелил губами Степан Ляпа. – Мы уж было думали, что вас давно унесло восточным ветром в сторону Нижнего, потому и обедать не ждали.

– Отобедать мы с сыном успели у воинов заставы великого князя, – вставил своё слово ладный молодец с глазами небесной синевы и аккуратно причёсаной копной волос спелой ржи.

Весь его внешний вид подчёркивал очень неплохой достаток всего семейства. И как бы ещё раз напоминал, что эти люди присоединились к походу новгородских добровольцев не только для торгового дела, но и ради чего-то иного.

– Откуда же взялась в тех краях московская рать? – почти одновременно осведомились братья Малыгины. – Видать, князь Иван большой интерес имеет к волжским местам.

– Да столько не к ним, сколько к казанским землям, – уточняюще пояснил Степан Ляпа. – Казанцы давно уже зарятся на северные земли вкуче с московскими. Мой знакомец рассказывал об осеннем походе государя на Казань.

Ещё при Василии Тёмном сын Улу-Мухаммеда «царевич» Касим обрёл убежище в Москве, когда был изгнан своим братом Махмутеком. А вскоре его сын Ибрагим узурпированно сел на казанский трон. Ивану стало известно, будто кое-кто из весьма влиятельного нынешнего окружения правителя Казани был бы рад встретить именно Касима своим законным властителем. Но только после оказания существенной помощи от московского правительства могли осуществиться мечты казанского «царевича». Великий князь решил воспользоваться великолепным поводом для похода на агрессивных мусульман.

И оное произошло в день праздника Воздвижения Креста Господня, когда московские ратники покинули столицу. Возглавили сей поход воеводами князя Иван Васильевич Стрига

Оболенский да Данила Дмитриевич Холмский. Первый из них являлся по признанию многих бояр лучшим воеводой царя Василия II, поэтому его назначение на столь высокую должность никого не удивило. А второй князь был отпрыском тверского княжеского дома и никому не известным как полководец.

Государь прозорливо предложил Холмскому почётную должность и не ошибся.

Иван Васильевич покинул войско во Владимире, там и остановился. Именно оттуда было удобнее всего управлять разбросанными на огромных просторах московскими силами. Кроме них русское противление казанцам поддержали полки удельных братьев московского князя, а также татары казанского изгнанника. Часть войска по необходимости погрузилась на речные суда, которые шли вниз по Клязьме, Оке да Волге. В начальной стадии всё радовало воевод государя. Касим всеми помыслами предвкушал скорое занятие престола своих предков. Однако всё внезапно превратилось в несбыточную мечту, как только на противоположном волжском берегу обнаружилось громадное войско хана Ибрагима.

Московские ратники, которые остановились в устье Свяги, так и остались там, не сумев преодолеть водную преграду Волги, на левом берегу которой находилась презираемая Казань. Причиной срыва переправы стала «судовая рать», не сумевшая своевременно прибыть к месту назначения.

Вот тут-то и проявил себя изобретательный ум князя Холмского, воевода предложил:

– Необходимо каким-то образом выманить татар на берег и здесь их уничтожить. После на их же кораблях переплыть реку.

Всем очень понравилась такая остроумная затея, которая при строгой секретности могла привести к весьма неожиданному и желаемому результату.

Однако в любом деле могут произойти коварные неожиданности. Так случилось и на сей раз. Ничего не подозревавшие басурманы прошли на суда, переплыли реку и уже начали высаживаться на правый берег, где их с нетерпением ожидало московское войско. И вот тут в провидение вмешался некий глупец, московский ратник Григорий Карпов, который оказался невыдержанным, а возможно, просто предателем. Он раньше времени выскочил из засады и кинулся на татар. Оные сразу догадались, что могут оказаться в русской ловушке, поэтому быстро вернулись на свои суда и отплыли назад. Срыв такого великолепного плана весьма огорчил не только воевод, но и всё русское войско. Ратники были готовы жестоко наказать незадачливого торопыжку. Князь Холмский силою своей власти удержал нетерпивцев к отпущению от решительных шагов.

По какой-то непонятной причине русские суда с воинами так и не прибыли к месту боевых действий. А упущенное время отомстило ранними морозами. Московское воинство в своём свияжском лагере могло стать добычей голода и холода. Старшие воеводы поняли такую опасность, поэтому спешно повернули полки назад и постарались без потерь вывести их обратно в русские земли. Теперь уже сделать это представляло большую трудность. Ратники были обессилены и уставшие, поэтому побросали тяжёлое снаряжение, чтобы вернуться домой здоровыми и невредимыми.

Иван III не стал обвинять воевод в проигрышном завершении похода. В данной ситуации Иван Агафонович и Данила Дмитриевич сделали всё от них зависящее. Надлежащие выводы сделал сам государь, придя к единственно правильному решению: военным наскоком слабоподготовленного войска Казань не взять. Идея конечно заманчивая, однако пока что не достижимая, поэтому поддержал предложение о сочетании обороны с тщательно подготовленными набегами на вражескую территорию. И в то же время зимой опасался ответного вторжения татар, а по сему дал распоряжение приготовить к обороне Кострому, Галичу, Мурому и Нижнему Новгороду. Жители окрестных селений сбегались под защиту крепостных стен.

– Теперь всё понятно, первым отозвался на рассказанное Аврамьев. – Но теперь какой отряд появился в этих местах?

– Московская рать под водительством князя Фёдора Семёновича Ряполовского по прозванию Хрипун спустилась вниз по Вятке и Каме, чтобы нападать на селения и городки Казанского ханства. Уже возвращаясь назад, воины Хрипуна наткнулись на татарский отряд в двести человек. Оные направлялись вверх по Каме для нового набега на русские земли. Завязалось жаркое сражение, в котором виделось явное превосходство русского оружия. Его владельцы успешно справились с поставленной задачей. «Немытые» не выдержали накала схватки и побежали. Практически все они были уничтожены.

Мартемьян Варфоломеевич на некое время прервал своё повествование и явно видел, что слушатели томятся ожиданием в его продолжении, ибо на лицах было написано недоумение от услышанного.

– А далее, – снова заговорил новгородский купец. – Далее ратники разделились на две почти равные половины. Одной верховодить стал Иван Дмитриевич Руно. С ним воины пошли возвратно к Москве. Кроме награбленного в казанских землях добра они везли великому князю несколько взятых в плен знатных татар. Вторая же половина русских осталась под водительством Ряполовского и отдохнула в Нижнем Новгороде, а накануне Троицы из сего города вышла «застава великого князя», возглавленная Фёдором Семёновичем же. Хан Ибрагим через своих соглядатаев выведал о приближении московского войска, поэтому выслал навстречу ему свои лучшие силы.

– А мы с какого бока тут нужны? – снова спросил Андрей. – Видать, Хрипун без нас не справится.

– Просто мы изъявили желание своим доброхотством помочь нашему святому воинству против басурман. Вельми оные злобствуют на Руси.

– Это истинная правда, – подтвердил Ляпа. – Я слышал от нескольких знакомцев, как татарва внезапно появилась под стенами Кичменги – лесной волости в сотне вёрст юго-западнее Великого Устюга. Туда «немытые» добрались по реке Вятке, а затем по её правому притоку. Городок сей был сожжён вкупе с его жителями. Многие, естественно, попали к казанцам в рабство. Помощи им ждать было неоткуда. Город Великий Устюг сам пострадал от большого пожара, который испепелил все городские укрепления. Я считаю: поучаствовать потребно всем в отмщении казанцам.

Все ушкуйники согласились с мнением своего товарища, спешно собравшись в дорогу. Шли быстрым шагом не менее часа. А уже тогда увидели сверкающую голубизной широкую гладь реки. А в стороне убогими хижинами чернело местечко Звеничев Бор, что в сорока верстах выше Казани. Все доброхоты незамедлительно влились в ряды московских ратников.

– Не посраим земли Русския! Ляжем здесь костью: мёртвым нет срама. Ежели победим, то позор нам. Станем крепко! – взывал к ним князь Хрипун.

– Постоим! Не печалуйся, княже! Скорее река вспять потечёт, чем мы отступим!..

Сотники объезжали ряды своих отрядов, поясняли людям:

– Мы должны пойти навстречу поганым, раскалывать их надвое. Покончим с одним крылом, тогда навалимся на другое. Будьте стойки! Татары хитры, словно волки, такая же у них и сноровка. Они могут притворно побежать, чтобы увлечь наши отряды в засаду. Не гонитесь за ними, не верьте им. Стойте так же крепко да дружно и ждите другого удара.

Молча слушали это ратники, сурово и спокойно опираясь на копья, шестопёры и секиры с бердышами. А затем ожидали приближение супротивников. Войско двинулось вперёд тесными рядами и медленным шагом.

А вскоре послышался равномерный глухой топот мчавшихся татарских коней. Казалось, вся земля гудела и дрожала от великого множества копыт. В пыльных облаках приближались разгорячённые животные со своми раъярёнными всадниками, которые дико визжали:

– Урусут! Урусут!

Москвичи яростно нападали на конных врагов, разрубая их разноцветную одежку и железные шеломы. Кривые татарские сабли мелькали в воздухе. Русичи пустили в ход большие луки, из которых метали длинные стрелы с закалёнными стальными наконечниками. Воины падали, снова вставали, продолжая бой, и продвигались вперёд, куда стала откатываться татарская конница.

Русские одолевали. Они стиснули зубы, хрипели и бились отчаянно, прорубая страшную дорогу среди быстро вертевшихся татарских всадников. Прозвенели удары в медные щиты. Аврамьев поначалу рубился мечом рядом со Степаном, отражая атаки сидевших на конях врагов. Но чаще новгородцы просто стаскивали их крючьями с лошадей, а после перерезали им глотки кинжалами. Кровь противно брызгала на руки, грудь и лицо, оставаясь липкими сгустками. Особенно неприятно она пахла после, когда начинала подсыхать. Пытаясь встать после падения, окровавленные кони бились на земле. Другие спотыкались и старались ускакать в сторону, волоча зацепившегося ногой за стремя всадника.

Внезапно остатки разбитого вражеского войска круто повернули обратно, откатываясь пёстрыми волнами от зеленеющих холмов, густо устланных трупами.

Андрей вскочил на какого-то освободившегося коня и вместе со всем русским воинством ринулся догонять и добивать незадачливые казанские остатки. А они уже и не сопротивлялись, торопливо удирая в сторону Казани, где их несомненно ожидала гневная расправа Ибрагима. В сражении был убит татарский богатырь и лиходея Колупай, а также пленили некоего казанского князя Хозум-Бердея.

** ** * ** * ** *

После полного разгрома татарского войска и благодарности за оказанную помощь лично от Фёдора Семёновича Ряполовского, Андрей Аврамьев шёл уставший, но довольный, и вёл под уздцы пойманного в битве коня.

– Хорошая память у тебя будет об участии в этом сражении, – с доброй завистью произнёс Семён, шагая рядом с обедневшим дворянином. – Сражался ты достойно и проявил разумную храбрость.

– По-моему, все мы в равной степени заслужили хорошие слова.

Товарищи уговаривали Андрея поехать вместе с ними поначалу в Нижний, чтобы на полученные за битву деньги закупить хороших товаров от восточных купцов, а в Великом Новгороде продать с большим барышом.

– Нет уж, дорогие побрательнички, – вежливо отказался новгородец. – Давно меня уж дома заждались. Перед отъездом отец прихворнул. Говорил, лёжа в постели: «Свидимся ли когда». Я ему: «Ты ещё меня переживёшь». А он ответно: «Чувствую в себе холод смертный, жаль, что не получится, видно, единственным наследником тебя сделать. Молодая моя супружница может всем моим достоянием завладеть». Как бы из этого беды большой не вышло.

– А ведь тебе не долго и впросак попасть, коль наследством и в самом деле ушлая баба займётся, – в усы хохотнул Ляпа. – Она живенько всё ваше имение, да нажитое по любовничкам разматает.

– Ты уж, Семён, парня не страшай, – урезонил товарища Прокоп Смолнянин.

Говоривали про него за спиной, будто женат бывал дважды да оба раза на молоденьких, от которых прижил четверых мальчишек. Но теперь его любовная страсть поутихла, а детей воспитывает да холит родная племяшка.

– Она у меня и к людям без стыда нагишом выйдет, и в огонь за своей страстью шагнёт.

Александр Авакумович лишь цокнул языком, видно, обладая добрым воображением, живо представил себе такую красавицу да до бойкости активную девицу.

– Не треба успокаивать меня, – трезво отстранился от друзей Аврамьев. – Жизнь меня уже трепала, Господь даёт волю, сам разберусь.

– Ну, уж, тогда как знаешь, в таком деле мы тебе не советчики, – на прощанье ответили братья Малыгины.

Ушкуйники сердечно распрощались со своим другом, а последний вскочил в седло трофейного коня, который по своему животному уму сразу пустился иноходью, а после голосовой команды перешёл на галоп.

Нет нужды описывать длительное путешествие новгородского купца. Оно происходило без каких-либо необыкновенных происшествий. А они были нужны ему? По-моему, читатель согласится с моим мнением. Счастьем было уже то обстоятельство, что Андрея за все дни пути никто не попытался ограбить, даже не покусились на тщательно запрятанные деньги.

«Вот она, Теша, – подумал Андрей, когда перед ним появилась гладь реки и поросшие камышом да тростником берега. – Значит, скоро Муром».

Переночевав в глухой деревушке на сеновале, утром следующего дня в белесой дымке тумана он увидел очертания города. Однако нечто беспокойное возмутило его сознание. И чем ближе подъезжал к окраине Мурома, тем сильнее и отчётливее осознавалась грядущая опасность.

Пришлось спешиться и уже совсем осторожно шагать рядом с конём, который начал пофыркивать и прядать ушами, да и сам его хозяин почувствовал наполненный дымом и гарью воздух. Всё это расценивалось новгородцем как явное нахождение здесь каких-то чужаков. «Татары!» – внезапно мелькнуло в голове.

Да, казанцы решили ответить на поход Фёдора Хрипуна набегом на Муром. Они разграбили окрестные волости и «много полону взяша». Этих людей и можно было видеть в небольшом овраге под охраной довольно большого отряда басурман.

«Надо бы приметить это место», – подумал про себя новгородский гость.

Однако его тревожила самая главная мысль: как пробраться в город через татарское оцепление. Наверняка это можно было бы сделать только в сумерках, а то и даже глубокой ночью, когда нехристи будут объаты сном. Хотя их конные разъезды могут весьма быстро обнаружить русича возле города. А как они умели это делать, было не единожды ведомо. И потому попадаться на глаза тем, с которыми совсем недавно Аврамьеву пришлось столкнуться в смертельной схватке, вовсе не хотелось. Не желал более он глядеть в раскосые и полные ненависти чёрные глаза на словно бы смазанных маслом потных татарских лицах. Нет, тут надо придумать нечто остроумное, чтобы не ждать, надеясь на Божескую милость, хотя и она порой бывала необходима.

Так, сидя с лежавшим конём в своеобразной засаде, Андрей провёл неведомое время, за которое он успел как следует подкрепиться ломтем душистого ржаного хлеба с варёным яйцом и куском холодной свинины. А чистая родниковая вода из берестовой фляжки напоила свежей прохладой. Теперь стало клонить ко сну. Возможно, он бы и сморил бывшего ушкуйника, если бы не счастливое стечение обстоятельств.

Скорее всего, всему этому предшествовала длительная осада сильной крепости, закончившаяся для осаждающих без должного результата. Потери с обеих сторон, наиболее вероятно, были значительные. И теперь своеобразное равновесие должно обязательно нарушиться. В чью сторону наклонится рог изобилия в руке богини, стоявшей на колесе?

Внезапно мощные ворота открылись, выпустив довольно большой отряд конных стрельцов, за которыми сплочённым строем бежали пехотинцы с бердышами и саблями в руках. Впереди всех на вороном аргамаке главенствовал явно воевода в блестящей на солнце кольчуге и высоком шлеме. Конники сразу врезались в отряд татар, также поступили и пешие стрельцы. Начавшееся сражение очень напомнило Аврамьеву недавние события. Не возжелал он стать неприметным свидетелем происходившего, поэтому быстро поднял своего «татарина», как мысленно прозвал коня и, вынув саблю из ножен, вклинился в толпу сражавшихся.

Умелые действия и напористость молодого новгородца обернулись должным результатом. Два конных татарина уже были повержены на землю мёртвыми. С рубленным плечом извивался на земле и пеший казанец, теряя вместе с кровью остатки жизни.

– А ты храбро сражаешься, незнаемый молодец, – услышал Андрей чью-то похвалу. И старательно пытался выяснить, кому принадлежали эти слова.

И чуть позже увидел, вспомнив прежде виденного воеводу. Теперь он выглядел совсем иначе: на шлеме и воинских доспехах багровыми пятнами темнели знаки многих человеческих смертей. И сам этот человек был уже кем-то ранен, ибо медленно начал сползать с коня как раз в поднятые руки Аврамьева, который и принял воинского начальника. Внезапно каким-то чувством он ощутил исходившую от врагов опасность. Не колеблясь новгородец заслонил собою муромского воеводу, приняв грудью две татарские стрелы. Поторопившиеся ратники вовремя оказались возле раненых, которых они погрузили на подводу и повезли к городу.

– Там, в овраге, басурманы полон стерегут, – с трудом шевельнул губами Андрей и едва сдержался, чтобы не впасть в беспамятство.

– Ты кто же такой будешь? – повернул голову к лежавшему рядом новгородцу муромский начальник.

– Андрей я, Аврамьев, ушкуйничал с гостями новгородскими.

И только теперь он уже не смог сопротивляться своей слабости.

Медленно, очень медленно, к нему возвращалось сознание. Сначала новгородец обнаружил себя в большой горнице, похожей на спальный покой, освещаемый множеством свечей. Однако очередное состояние ослабевшего тела не позволило ничего увидеть. И позже, доведись ему побывать в этом месте снова, Андрей так и не вспомнил бы ту комнату, где находился на излечении. Зато ему врезалось в память появление в горнице голубоглазой и чернявой молодаяйки. Она заботливо кормила очнувшегося молодца наваристой куриной ухой с грибами¹⁵. От старательного ухаживания девушка смешно высовывала кончик языка, обнажая ряд белоснежных зубов и искривляя красивые губы. Незнакомка не успела завершить своё дело.

Оно было прервано появлением дородного мужчины в опрятной и даже несколько вычурной одежде. Вошедший походил на княжеского наместника (тиуна) или просто слугу, но с большими привилегиями. Он с каким-то напыщенным удовольствием касался своей поседевшей клинообразной бородки и ровно стриженных усов. Лишь поворота головы и взмаха ладони было достаточно девушке, которая всё поняла и незаметно покинула горницу.

– А ты герой, – восторженно обратился он к Аврамьеву. – Стрелы татарские обломали, а как жала стали из тебя вытаскивать, ведь даже и не застонал. Правда, в запямятстве был полным.

Он со тщанием обследовал повязки на груди, а после сам осторожно снял их, осмотрев начавшие подживать раны.

– Ты ведь спас от верной гибели младшего представителя тверских князей, а ныне – старшего воеводу государева, Данилу Дмитриевича Холмского. Вся забота о тебе – его главная обязанность. Уж ты будь добр, не обмолвись с ним о моих словах.

Андрей молча кивнул головой, поблагодарив лекаря за надлежащее лечение и обхождение. И как только сознание обрело необходимую силу, он выразил благодарение Господу за оказанную ему возможность узреть своего благодетеля.

Даниил Дмитриевич не был лишён такого малейшего человеческого качества, как обыкновенная признательность. Этим, по его мнению, должен обладать любой настоящий христианин. Возможно, и басурманам такое свойственно, однако православные острее чувствуют ответственность за благие дела.

¹⁵ В стародавние времена не было на Руси понятия о супах и бульонах. Все жидкие мясные и рыбные блюда назывались ухой, похлёбкой или щами. И как тут не вспомнить известное: «Уха из петуха».

Холмский ещё сам полностью не излечился от татарского булата, но всё же превозмог слабость и смело перешагнул порог горницы, увидев лежавшего спасителя. Оный тоже заметил вошедшего воеводу и попытался приподняться на локтях, чтобы взобраться повыше на подголовник.

– Не переусердствуй в почести мне, – Данила Дмитриевич протянул ладонь в предостережении к дальнейшим действиям со стороны Аврамьева. – Я пришёл просто глянуть, как тебе создали необходимые условия к скорейшему преодолению немощи.

– Благодарю тебя, княже, – улыбнулся Андрей. – Устроили меня тут замечательно. Моя признательность в этом тебе выше всяких похвал.

– Благодарить тебя должен я. Лежать бы мне подле городских стен среди мёртвых, если бы не твоё самоотвержение и всяческое презрение к опасности. По этому поводу хотелось бы сказать тебе доброе слово и предложить какое-либо вознаграждение за твой героизм.

– Пустое всё это, воевода, – шевельнул губами новгородец. – Ты правильно поверил в мою самоотверженность. А вот опасности я всячески стараюсь избегать, желаю всё-таки живым возвратиться на Торговую сторону в Новгороде. У меня там старый отец, да и братец младший. Доброе отношение твоё ко мне весьма приятно.

Думается, и ты бы поступил также, будь у тебя необходимость защитить чьё-либо сердце.

– А ты, ко всему прочему, ещё и бессеребренник, коих мало. Сие похвально, но я не привык многое время пребывать в долгу. При малейшей возможности в будущем обязуюсь вернуть его с лихвой.

– Кастати, тебя просили поблагодарить те несчастные, пленённые казанцами. Об этих людях ты тогда нам сообщил. Их освободили. Татарских грабителей успели разгромить, частью разогнать. Лишь немногие враги сумели ускользнуть и укрыться в лесу. Выздоровливай, герой, позже ещё поговорим.

С этими словами Холмский покинул горницу.

Пятая глава

Великий князь был весьма раздосадован столь внезапной утратой Тверитянки и всеми событиями, связанными с её гибелью. Матушка Ярославна очень любила невестку, не зря же она сопровождала её в последний путь. Вспомнил Иван слова свои, сказанные в горячности супротив супружницы своей, которую получил в наследство от батюшки по законам государственной необходимости. Подобное не единожды было слышимо, наверняка, и многое видимо внимательным оком дьяка Полуектова, доверенного человека Василия Тёмного.

Не исключено, что последний повелел своему слуге всячески оберегать княжеского сына от всех бед и страданий. Дьяк принял намёки государевы о недовольстве супругой к сведению. Именно он, возможно, и поручил своей жене известить великую княгиню, не бросив в то же время и тени на сумрачность венценосной особы. Не должно одной запятанною быть. Вот теперь и думай, есть ли нужда в тайном дознании отравительницы. О дьяке и речи нет: он должен перейти от принятых при дворе в опальные (хотя бы на время).

Решение своё Иван спокойным тоном словно бы продиктовал Марье Ярославне. И видел испуганно-вскинутые глаза матери-княгини, которая сдержанно промолчала. Она спустя лишь совсем короткое время осмелилась выведать у сына о недавно узнанном ею из уст боярина Посольского приказа, который сообщил про приезд римского посланца.

– Наверняка выставлял очередные требы политические.

– Отнюдь, государыня Ярославна, – спокойно возразил боярин. – Оный привёз из далёкого Рима предложение для великого князя жениться на греческой принцессе Софии Палеолог.

Услышанное сильно поразило властную и умную женщину. Подобное следовало расценивать весьма высоко из-за возросшего престижа Руси на европейской арене.

Со времён нашествия Чингизидов русские князья рассматривались дворами Европы как жалкие данники Золотой Орды. Самое большее, на что они могли рассчитывать в плане женитьбы – рука желтоволосой литовской княжны или знатной ордынской красавицы. Теперь же князь Иван вызвал интерес императорского дома в изгнании.

Мать-княгиня добила своего от сына, который лишь подтвердил слова высокопоставленного чиновника.

– Однако так просто латынчики не выкажут своё одобрение связью с греками, – поразила Ивана Ярославна своей пронизательностью.

– Тебя бы, матушка, да в боярскую Думу, – усмехнулся великий князь. – А, может и правильно, что ваше племя туда не допускают.

– Слова матери навели государя на несколько печальных размышления. Он понял, что Русь перед каким-либо важным политическим шагом просто обязана продемонстрировать всему образованному миру не только своё умение хозяйствовать, но и воинскую силу, подкреплённую успехами русского оружия. Иван вдохновился такой идеей и стал деятельно готовиться к летним схваткам с казанцами.

Поэтому для начала он решил совершить акт мщения союзникам Казани – черемисам (современное название марийцев). С этой целью государь поставил над своим войском князя Семёна Романовича. Этот полководец прошёл огнём и мечом по черемисским землям, учинив там много зла: жгли жильё, угоняли скотину. Бравшие в руки оружие черемисы полегли от московского возмездия за Кичменгу и Галич. Поход на татарских подручников явно удался. Лесные жители были частично перебиты или пленены, частично запуганы. Одновременно с этим походом Иван отправил нижегородцев и муромцев опустошать земли казанского ханства вдоль Волги, чтобы нанести татарам дополнительный урон и внести смятение в ряды врага.

Во Владимире великий князь находился с крупными силами. Из этого города он имел возможность быстро направить свои войска в случае необходимости на юго-восток или к Костроме. Нахождение большой воинской рати перекрывало татарам дорогу на Москву. С Иваном вместе находились его братья Юрий и Борис, наследник престола Иван, которому в зиму исполнилось девять лет, а также сын Михаила Андреевича Верейского Василий Удалой. Простояв во Владимире несколько недель в томительном безделье, московская рать вернулась домой.

И снова отзвуки начавшегося противостояния между Казанью и Москвой напомнили о себе, потому что великий князь повелел не оставлять без внимания даже самые незначительные вылазки татар. И теперь Иван привлёк к ответным действиям против них свой двор и многих детей боярских. Оные должны были на Каме воевать места казанские. К участию в походе привлекались в первую очередь добровольцы – те, кто пострадал от недавних набегов «поганных» или просто хотел испытать судьбу. Вот тогда, услышав об этом, возжелали вновь встать на защиту православия знакомые ушкуйники: Лука и Игнат Малыгины, Александр Авакумович, Степан Ляпа да Прокоп Смолнянин.

– Жаль, что нет промеж нас Андрея Аврамьева, – цокнув языком молвил последний.

– О ком это вы? – осведомился московский воевода Иван Дмитриевич Руно.

– Да был в нашей команде один новгородец, просили его с нами пойти к Нижнему, а он к Мурому отправился.

– И давно то было?

– Месяц назад точно будет, – ответил Степан.

– В таком случае, могу сказать вам определённо, – заявил ушкуйникам воевода, – что пока вы с нижегородками по питейным заведениям развлекались, ваш приятель наверняка с татарами в Муроме поединничал. Это доподлинно мне ведомо от человека, который по указу тамошнего воеводы Данилы Дмитриевича Холмского мне и самому государю ту новость доложил.

Поохали вольные люди новгородские на такие известия и вступили в отряд «казанцев» (добровольцев), который и был возглавлен Иваном Руно. Оные отправились поначалу в Галич. Там команда пополнилась местными удальцами и пошла далее к Вологде. Вологжане также посодествовали охочими людьми, оружием да провиантом. И тогда всё воинство двинулось на юг, к Вятке. И уж было вятские жители изъявили желание повоевать с татарами, однако прошёл промеж них слухок, якобы казанцы желают напасть на земли вятчан. После этого они сразу поостыли и быстро повернули назад.

** ** * ** * ** *

Великий князь довольно обстоятельно продумал предстоящую войну с казанцами, поэтому с лёгким сердцем после тщательной подготовки пригласил воеводу Константина Александровича Беззубцева. Последний, как показали позднейшие события, оказался неплохим полководцем.

В ожидании Иван подошёл к окну, подставив лицо ласковым солнечным лучам. Совсем не беспокоили суетные движения слуг в горнице, их перешёптывания и сдержанная брань. Раздумья о важном деле уносили куда-то ввысь. И с этой высоты всё внизу казалось совсем незначительным, мелким и никчемным. Жизнь, а вернее – Господь определил важность этого шага. А вот свершение её Он поручил своему ставленнику на земле.

Воевода ступил через порог княжеской горницы и осторожно кашлянул, извещая государя о своём присутствии. Иван не торопился поворачиваться к вошедшему. Слыхивал от своих сановников, будто вызванный доводился внуком баловня Василия I боярина Фёдора Кошки. Не терпел великий князь любимчиков, от которых можно было ожидать всяческого без утраты с их стороны, однако очень уважал мнение признанных авторитетов в лице своих дедов да прочих предков. А с этими спорить считал бесполезным занятием.

– Проходи, гость желанный, – наконец обратился Иван к приглашённому. – Одно советование утвердил я к действию.

Он внезапно замолчал и выдержал необходимую паузу, давая понять ею, что не только в данной ситуации, но и везде он – главное всех, а потому и повиновение должно быть непрекаемым.

– Надлежит тебе, моему слуге, отправиться на Казань командовать «судовой ратью».

Великий князь снова замолк, но теперь уже в ожидании обязательного ответа от своего подданного. И он последовал незамедлительно:

– Приказание будет исполнено, государь, – склонил голову Константин Александрович, искоса глянув на Ивана.

Беззубцев вышел из горницы, слышались его решительные и твёрдые шаги.

«Этот действительно выполнит».

Государь решил оставить неизменными прошлогодние намётки казанской войны.

Как и было задумано, удар по Казани должен был наноситься с двух сторон. Иван

Васильевич призвал к походу не только свой «двор» и отряды удельных князей, но также и городское ополчение. Многие города в числе Москвы кроме тверичей и новгородцев обязались выставить своих ратников. Главное войско шло с запада, вниз по Волге. Часть служилых людей наступала с севера, с задней стороны, менее ожидаемой противником. В его состав входили жители Вологды и Устюга, а также часть великокняжеского двора. Это войско государь по совету видного боярства решил поручить одному из многочисленных представителей ярославских князей – Даниилу Васильевичу. Основу «северного» войска составляли устюжане, более других пострадавшие от татарских набегов. Великий князь попросил помощи у вятчан, однако те ответили отказом:

– У нас в действии прошлогодний договор с Казанью.

Возражать на это Иван уже не мог. По его указанию в Нижнем Новгороде в конечном итоге собралось огромное войско. Беззубцев, ещё пребывая в столице, получил строгий наказ: не предпринимать никаких шагов без надлежащих указаний оставшегося в Москве великого князя, который не торопился что-либо приказывать.

Возможно, Иван Васильевич боялся отпустить все войска на Казань, оставив Москву и другие русские земли без надёжного прикрытия. Он медлил. И делал это потому, что знал о силе Казани. По этому поводу вспомнилась недавняя беседа с ещё тогда живым архимандритом Питиримом.

Как обычно, святитель со сдержанной радостью встретил своего бывшего питомца и крестника. Последний ответил на приветствие священника лёгким кивком и коленопреклонённо прикоснулся губами к руке владыки. Другой ладонью Питирим притронулся к венценосному челу.

– Что-то гнетёт тебя, сын мой.

– Да, святой. Заботит меня грядущая война с «немытыми».

– Наше дело – говорить правителям истину. Что я прежде поведал тебе, славнейшему из владык земных, о том и ныне скажу. Когда ты выехал во Владимир из Москвы с намерением ударить на врага христианского, тогда мы, яко усердные богомольцы, денно и ночью припадали к алтарям Всевышнего, да увенчает тебя Господь победой. Отложи страх: Господь мертвит и живит. Поревнуй предкам своим: они хранили Русскую землю и покоряли многие страны. Лучше солгать и спасти государство, нежели истинствовать и погубить его.

– Всё это – заведомо известная истина, однако силы у нас с «погаными» разные, – сокрушённо качнул головой Иван. – Требуется нечто предпринять, чтобы либо уравнять наши возможности, либо оттянуть срок открытых столкновений.

– Самым разумным в нашем положении будет заключение достойного мира с ханом Ибрагимом, а тем временем следует заниматься укреплением государства, – снова заговорил Питирим – Лишь объединением всех ратных и прочих сил Тверской,

Псковской, Вятской и Новгородской земель Москва сможет добиться безусловного перевеса в борьбе не только с Казанью, но и с другими внешними врагами.

Великий князь незамедлительно вернулся в свои покои, предварительно приказав не допускать к нему никого, даже родную мать. Хотелось в тиши одиночества обмозговать весьма ценное предложение архимандрита, естественно, обдуманное самой жизненной необходимостью, ибо исключительно она способна на осторожные шаги и даже безрассудные поступки.

Сидя в молчаливом помещении, снова представил себе все возможности, которыми располагал для государственных раздумий. А оные требовали досконального проникновения в тему.

Несомненно, что переговоры с Ибрагимом могли пройти более успешно в условиях присутствия огромного войска в Нижнем Новгороде, вблизи самой границы с Казанью, в то время как отряды «охотников» как бы сами по себе, без дозволения великого князя, грабили северные и западные окраины ханских владений. К переговорам Иван надумал привлечь неизвестную по имени красавицу, татарскую «царицу» – жену состоявшего на московской службе хана Касима и мать сидевшего в Казани хана Ибрагима¹⁶.

¹⁶ Возможно, она была женой Касима до его бегства на Русь, после чего перешла как добыча к брату Касима Махмутеку и стала матерью его сына Ибрагима.

Шестая глава

Пребывание Аврамьева в Муроме затянулось до глубокой осени. Она пришла с сильными ветрами и промозглой погодой. Лишь иногда пасмурное небо прояснялось, освобождая постепенно холодеющее солнце, но только лишь для того, чтобы приближающаяся зима по утрам показывала свою усиливающуюся власть на замёрших лужах и повсеместно белом налёте инея. Вся природа уже готовилась к длительному отдыху в долгой зимней спячке. Но с приходом весенних солнечных дней должна была возобновить свою плодотворную деятельность.

Ранним ноябрьским утром, когда солнце оторвалось от дальней лесной кромки, Андрей уже стоял на широком воеводском дворе рядом со своим «татаринном», как он назвал обрётённого коня. Князь Холмский лично провожал своего спасителя вместе со слугами и прочими людьми. Данила Дмитриевич с заботливой ласковостью продолжал разглядывать открытое лицо Андрея. Что-то готово было сорваться с языка хозяина подворья, но пока не созрело.

Вот уже закончена закладка и привязка провианта в перемётные сумы. Молодой жеребец в нетерпении прыдал ушами и перебирал ногами. Застоялся он в тёплом стойле с полными яслями сладкого овса да ароматного сена. И теперь косил глазом на спокойного седока, который явно не спешил вставлять в надёжные стремяна свои ступни, обутые в новые добротные сапоги.

– Удачной тебе дороги, новгородец, – промолвил Холмский. – Может, провожатого тебе хоть на время...

– Не стоит, княже, – почти с нежностью прервал Андрей последнее старание Данилы Дмитриевича. – Местность та мне давно знакомая. Так что, думается, неделки через две окажусь в Новгороде. Спасибо за лечение да выхаживание. Теперь со свежими силами мне все пути нипочём.

С этими словами бывший ушкуйник как бы незаметно для других и ради самоуспокоения поправил на поясе кинжал дамасской стали и лёгкую татарскую саблю. Внезапно подошедший Холмский привлёк Аврамьева к себе, приблизивши уста к его уху.

– В чёрной суме сыщется тебе холщёвый кошель с серебром, а в кожаном есть и золото, но то уже на крайний случай, особо из него не расплачивайся, а то не устережёшь.

– Ещё раз благодарю тебя, княже, за хлебосольство твоё доброе и излечение скорое. А за сим не обессудь за что и прощевай.

Андрей вскочил в седло своего «татарина» и быстро начал удаляться от ворот города. Он знал, что ему предстоит весьма долгий путь навстречу зиме и холодам, поэтому с доброй ухмылкой посматривал на лежавшее позади него тёплое платье, полушубок на овечьем меху, также и весьма удобный для головы ордынский малахай.

Путник не старался подстёгивать своего коня. Тот словно сам шёл нужной рысью, ибо иного старания от животного и не требовалось. Каждодневное преодоление восьмидесяти вёрст при нормальной тихой погоде приближало новгородца к необходимой цели. В перерывах между движением он останавливался на постоянных дворах, где его «татарин» за весьма умеренную плату получал добрую меру овса и отдых в тёплом стойле. А сам всадник в придорожной харчевне пользовался услугами её хозяина. Так продолжалось довольно долгое время. И везде виделось почти одно и то же. Разнообразие в этом внесли подмосковные постоянные дворы, вернее, находившиеся при них питейные заведения.

Довелось Андрею заехать в одно подобное. Немедленно подскочивший слуга участливо осведомился о желании посетителя, а затем, получив необходимый заказ, быстро удалился исполнять оный. Новгородец проводил его привычным ожидающим взглядом, а сам принялся за традиционное рассматривание местной публики. Она пестрела своим разнообразием. И кого тут только не было: всякого рода проезжие, среди которых в основном богатеи средней руки,

то есть купчишки, также различный служилый люд, а именно: подъячие и их помощники, стрельцы и прочие государевы исправники. От них поначалу пестрело в глазах, затем все они слились в некую серую массу.

Ждать не пришлось слишком долго; хозяин кружала¹⁷ слишком дорожил своими посетителями, поэтому не оставлял их без вниманья на длительное время. Андрей получил заказанную уху с курицей на шафране с огурцами и лапшой. А потом на столе появились оладьи с сыром и на яйцах, также небольшая мера красного вина. Аврамьев решил не захмелеть, а просто согреться. Он сразу расплатился с целовальником¹⁸ за всё купленное. И не торопясь подкреплялся едой, продолжая наблюдать за видимым. К столу новгородца, спотыкаясь и пошатываясь, подошёл мужичонка в залатанной сермяге¹⁹, а поверх неё – обрывки овчины шерстью наружу.

Незнакомец поначалу попытался заговорить с Аврамьевым и сесть к нему за стол, но покачнулся и едва не упал. Был поддержан Андреем, всё-таки присел и пробормотал нечто несвязное. Бывший ушкуйник и не заметил пристального внимания целовальника, да и не знал, что сидел вместе с записным пьяницей, обязанностью которого было завлекать посетителей и прививать страсть к питью.

¹⁷ Кружало – от слова «кружка», которой мерилось и продавалось вино; кружечный дом, кабак.

¹⁸ Целовальник – продавец в питейном заведении, кабаке

¹⁹ Сермяга – грубое некрашенное сукно, а также кафтан из такого сукна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.